

SLOVANSKÉ JAZYKY A LITERATURY: HLEDÁNÍ IDENTITY

Editoři:

PhDr. Marek Příhoda, Ph.D. (literárněvědná část)

Mgr. Hana Vaňková (jazykovědná část)

Červený Kostelec / Praha 2009

ЭМИГРАЦИЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТРАВМА: РУССКАЯ ДИАСПОРА В ПРАГЕ В 1920-1930-Е ГОДЫ

МИХАИЛ КОВАЛЕВ

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

На протяжении веков чешские земли служили местом соприкосновения различных культурных традиций. В Праге, как нигде в Центральной Европе, остро стояла проблема соотношения лингвистической Принадлежности и национальной идентичности. По справедливому замечанию чешского филолога Томаша Гланца, язык служил «признаком самоопределения, суверенитета, культурных и гражданских достоинств и вообще национальной культуры»¹. Особый след на лингвистической карте Праги оставил и русский язык, принесенный сюда в начале 1920-х гг. волной русских беженцев.

Лингвистический фактор всегда играет одну из ведущих ролей в процессе адаптации эмигрантов. Знание иностранных языков является важнейшей составляющей культурного диалога, инструментом социализации человека в новом обществе. Жизнь в условиях новых лингвистических стандартов оказалась весьма сложным испытанием для значительного числа эмигрантов. Многие из них пережили лингвистическую травму, которую следует рассматривать как процесс столкновения вынужденных переселенцев с новым языком, в странстве которого им необходимо было существовать.

Русская эмиграция была объединена стойкой надеждой на возвращение в Россию. Сохранение и приумножение культурных тради-

1 ГЛАНЦ, Т., Чешская версия языкового строительства: национальное возрождение и его остаточные идеологемы. *Новое литературное обозрение* 68 (2004), 235.

ций было для нее главной задачей, а русскому языку в этом процессе отводилась совершенно особая роль. Американский историк Марк Раев писал, что «язык был тем базовым элементом, который не просто воплощал в себе традицию современной русской культуры..., но также представлял собой существенный элемент самосознания "граждан" Зарубежной России»².

В дореволюционной России практически каждый образованным человек владел иностранными языками. В большинстве своем это были французский и немецкий. Что же касается языков зарубежных славянских народов, то широкого распространения они не получили. Не случайно в 1930-х гг. К.Д. Бальмонт сетовал, что «славяне мало изучают язык, историю и творчество братских славянских народов»³. Закономерно, что столкновение с чешским языком вызвало немало трудностей среди эмигрантов.

Историк С.Г. Пушкирев, приехавший в Чехословакию в 1921 г., вспоминал, как его поразили носильщики на вокзале, которые катили тележки с багажом и кричали: «Позор! Позор!». Впоследствии он узнал, что «позор» по-чешски означает «осторожно». Вскоре С.Г. Пушкирев составил длинный список таких слов под заглавием «Словарь русско-чешских недоразумений»⁴. В своих мемуарах Н.Е. Андреем также припоминал, как ему по прибытии в Прагу бросились в глаза удивительные с точки зрения русского вывески «Горьки млеко», «Черстви хлеб», переводившиеся в действительности как «Горячее молоко» и «Свежий хлеб»⁵. Но за этими маленькими житейскими курьезами скрывалась глубокая проблема. По мере того, как таяли надежды на возвращение в Россию, вопрос о языке для эмигрантов становился все более актуальным⁶.

Многие русские интеллектуалы в Чехословакии не имели возможности полноценно работать в местных научных и культурных заведениях из-за слабого знания чешского языка. Овладение языком коренного населения повышало социальный статус переселенца. Часть

2 РАЕВ, М., *Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919-1939*, Москва 1994, 141.

3 *Прага: русский взгляд*. Сост. Н. Л. Глазкова, Москва 2003, 151.

4 ПУШКАРЕВ, С. Г., *Воспоминания историка. 1905-1945*, Москва 1999, 87.

5 АНДРЕЕВ, Н. Е., *То, что вспоминается. Том I*, Таллинн 1996, 249.

6 ANDREYEV, C., SAMICKY, I., *Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918-1938*, New Haven 2004, 127.

эмигрантов постепенно приобрела основные навыки чешского языка, достаточные для повседневного общения. Однако немало русских продолжало жить обособленной культурной жизнью, даже не пытаясь изучать чешский язык.

Русским было нелегко привыкнуть к чешскому языку из-за устойчивых лингвистических стереотипов. Сходство двух славянских языков часто порождало представление, что перевод вообще не нужен. Но в реальной жизни все было сложнее. А.Н. Бенуа, посетивший в 1935 г. Чехословакию, писал: «Привыкнуть к чешскому и научиться хоть как-либо на нем изъясняться оказывается особенно затруднительным именно русским из-за сходства наших языков, так как очень часто почти тождественные слова далеко не всегда одно и то же выражают»⁷. Эту особенность заметил и В.Ф. Ходасевич: «Чешский язык для меня труден, так как надо лавировать между русским и польским. Знающему только один из этих языков научиться чешскому легче. Всего же легче не знать совсем никакого языка»⁸.

Немногие русские ученые, приглашенные в Чехословакию, знали чешский настолько хорошо, чтобы читать на нем лекции и вести семинары. Среди них особняком стоял академик В. А. Францев. По свидетельствам современников, многие чехи даже удивлялись, что он говорил изысканным чешским языком, каким они уже давно говорить не умеют⁹. Его билингвизм ярко проявлялся на лекциях в Карловом университете, которые он читал попеременно то по-русски, то по-чешски. В.А. Францев был крупнейшим специалистом по истории славянского возрождения. Еще до революции он многократно посещал Чехию, великолепно изучил ее язык и культуру, установил дружеские контакты с чешскими научными и общественными деятелями. Поэтому его случай является исключением из правил, нежели примером общей закономерности.

Французский язык, которым владел почти каждый образованный человек в России, был мало распространен в чешском обществе. Можно было бы общаться по-немецки, но по окончании Первой мировой войны на немецкий язык было наложено негласное табу¹⁰.

7 *Прага: русский взгляд*. Сост. Н. Л. Глазкова, Москва 2003, 197.

8 Там же, 140.

9 АНДРЕЕВ, Н. Е., *То, что вспоминается. Том 1*, Таллинн 1996, 326.

10 ANDREYEV, C., SAMCKY, I., *Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918-1938*, New Haven 2004, 86, 127.

После обретения Чехословакией независимости в 1918 г. резко изменился сам культурный статус чешского языка, ибо «чехи стали не только представителями большинства, но и носителями политической власти в новом государстве»¹¹. Вместе с тем немецкий язык и немецкая культура стали восприниматься как враждебные. Немало представителей чешских интеллектуальных и политических кругов хорошо владели русским языком. Знание ими русского языка серьезно облегчало жизнь эмигрантов. Русский язык оставался главным инструментом межэтнического общения.

В Карловом университете лекции читались на разных языках, а студенты могли свободно выбирать интересующие их предметы. Это давало возможность преподавателям-эмигрантам проводить занятия по-русски. Но чешские студенты редко посещали их. Знаменитый академик Н. П. Кондаков, читавший курс лекций «О роли восточноевропейских славянских и кочевых народностей в истории общеевропейской культуры», в ноябре 1923 г. был вынужден проводить по-французски дополнительные лекции специально для чешских студентов, не понимавших русского языка¹². Русские студенты, наоборот, стремились посещать лекции и семинары только на родном языке.

Ученые-эмигранты, считая себя лишь временными изгнанниками, предпочитали публиковать результаты своих исследований по-русски, лишь иногда посылая свои статьи в иностранные издания, главным образом во французские и немецкие. К тому же они имели возможность публиковать свои работы на родном языке в чешской периодике. В 1920-е гг. в Праге начали издаваться журналы «Slavia» и «Byzantinoslavica», быстро завоевавшие известность и авторитет в научном мире. Оба издания носили международный характер, поэтому эмигранты могли печататься по-русски.

На протяжении 1920-х гг. эмигрантские журналы в Чехословакии издавались только на русском языке. Исключением стал лишь третий том «Записок института изучения России» в 1925 г., полностью подготовленный на чешском. Но он был изначально ориентирован

11 БОБРАКОВ-ТИМОШКИН, А., Феномен и трагедия пражского многоязычия. *Новое литературное обозрение* 68 (2004), 224.

12 КЫЗЛАСОВА, И. Л., *История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920-1930-е годы. По материалам архивов*, Москва 2000, 57, 59.

скорее на чешского, чем на русского читателя. В целом же до конца 1920-х гг. вышло немного работ русских ученых, опубликованных по-чешски. Как правило, их целью было заинтересовать местное общество русскими проблемами в то время, когда правительство начало сокращать помощь русской эмиграции¹³.

И все же труды русских ученых появлялись в чешской периодике. Свои работы в ней печатали Г.В. Вернадский, И.И. Лаппо, А.В. Флоровский, П.А. Остроухов, А.С. Ломшаков, А.П. Фан-дер-Флит и др. Очевидно, что некоторые из них прибегали к помощи переводчиков. Ученые-гуманитарии часто отдавали предпочтение немецкоязычному журналу «*Slavische Rundschau*», выходившему в Праге в 1920-1930-е гг. Писать по-немецки для многих из них было привычнее, чем по-чешски.

С начала 1930-х гг. ситуация с публикацией русскоязычных научных работ заметно изменилась. Если в 1920-х гг. русский язык абсолютно преобладал в эмигрантских изданиях, то теперь удельная доля статей на иностранных языках, в том числе на чешском, постепенно возрастала. Так, в издававшемся в Праге в 1920-1930-х гг. знаменитом эмигрантском византиноведческом сборнике «*Seminarium Kondakovianum*» все чаще появлялись статьи на английском, немецком, французском. Причем их авторами были не только зарубежные исследователи, но и русские ученые. Многопрофильный научный журнал, «*Записки Научно-исследовательского объединения при Русском свободном университете в Праге*», издававшийся в 1935-1942 гг., содержал статьи сразу на нескольких языках. Из 88 работ, напечатанных за время его существования, 22 были опубликованы по-русски, 22 - по-французски, 18 - по-чешски, 12 - по-английски, 9 - по-немецки, 3 - по-латински. Среди эмигрантов не было единодушного мнения о научном языке. С одной стороны, они понимали, что только публикация трудов на иностранных языках сможет сделать их известными в мире. С другой стороны, отказ от русского языка означал бы предательство миссии эмиграции, основанной на вере в возвращение на Родину и необходимости сохранения на чужбине культурного наследия. Известно, что П.Н. Савицкий резко осуждал своих коллег, печатавших работы не по-русски. Публикации на

13 ANDREYEV, C., SAVICKY, I., *Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918-1938*, New Haven 2004, 116.

иностранных языках он воспринимал как движение «по пути измены русскому научному делу» и «романогерманобесие»¹⁴.

Большая часть русских овладела чешским языком лишь на уровне бытового общения. Принято считать, что земледельцы, в отличие от интеллектуалов, быстрее приспособились к условиям жизни в новых условиях и овладевали чешским языком. Но, как показали Е. Андреева и И. Савицкий, они никогда специально не изучали чешский, а лишь приобрели навыки через повседневные контакты. После Второй мировой войны в чешских деревнях можно было встретить людей, «которые были полностью ассимилированы, но которые говорили на экстраординарной смеси русского и чешского»¹⁵.

Снизить лингвистическую напряженность пытались за счет языковых курсов, действовавших в Праге и в провинции под эгидой Русского народного (свободного) университета. Обучение на них велось русскому, английскому, французскому, немецкому, чешскому языкам (в некоторые годы также сербскому, испанскому, латинскому, венгерскому и старославянскому). Большинство русских отдавало предпочтение изучению немецкого, французского или английского языка по сравнению с чешским. С конца 1920-х гг. число русских слушателей стало сокращаться. В 1927/1928 учебном году оно составило лишь 35 % от общего числа слушателей¹⁶. Важную роль играли курсы русского языка для чехов, которые «кроме чисто практических знаний давали также основу для чешско-русского культурного сближения»¹⁷. Удельная доля посещавших курсы чехов, напротив, постоянно росла. В 1928/1929 учебном году среди слушателей курсов было 187 чехов, 117 русских и 27 представителей других национальностей¹⁸.

- 14 САВИЦКИЙ, П. Н., Справка об институте, in: *Мир Кондакова: Публикации. Статьи. Каталог выставки*. Сост. И. Л. Кызласова, Москва 2004, 214, 216-217.
- 15 ANDREYEV, C., SAMICKY, I., *Russia Abroad: Prague and the Russian Diaspora, 1918-1938*, New Haven 2004, 126.
- 16 *Русский народный университет в Праге. Отчет о деятельности за 1927-1928 учебный год*, Прага, 1928, 3.
- 17 *Пятнадцать лет работы Русского свободного университета в Праге*, Прага 1938, 7.
- 18 *Русский народный университет за 1928-1929 учебный год: Общий обзор. Научные труды, Русского народного университета в Праге (1929)*, 11, 398.

Языковой барьер был одной из причин того, что у блестящих русских ученых в Праге было немного чешских последователей. Он приводил к определенной культурной изоляции, которую усиливали попытки сохранить русскую идентичность. Языковая ассимиляция была для русской диаспоры неизбежной. Но она не привела, тем не менее, к полному исчезновению русского языка из пражского лингвистического пространства.

ABSTRACT

The Emigration And Linguistic Trauma: the Russian Diaspora in Prague in the 1920s-1930s

The paper is devoted to the questions of an adaptation Russian emigrants in the Czech capital for other linguistic surroundings, of an interaction between Russian and Czech languages during everyday life. In 1920s-1930s the Russian language constructed national and cultural identity of the diaspora. Many Russians didn't try to study the Czech language, because they hoped to come back to Russia as soon as possible. The linguistic barrier was one of the reasons that Russian scientists hadn't their Czech disciples in Prague. The drama of the Russian emigration concluded in the fact that an insurmountable linguistic trauma was one of the causes of a cultural isolation, which was intensified by attempts to save the Russian identity.